

Бьянка, дочь Тулузского графа / новелла

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Бьянка, дочь Тулузского графа / новелла БЬЯНКА, ДОЧЬ
ТУЛУЗСКОГО ГРАФА

Луиджи Аламанти (1495–1556) родился в знатной флорентийской семье; по словам биографа, с малых лет он опережал всех в учении; юношей Аламанти слушал лекции по философии и посещал кружок ученых и поэтов, собиравшийся в садах Оричеллари. Среди прочих замечательных литераторов туда был вхож Макьявелли, с которым Аламанти сблизил политические интересы. В то время Флоренцией правил кардинал Джулио Медичи; несколько молодых людей, помышляющих кто об освобождении отечества, кто о мести правителю, вступили против него в заговор. Аламанти предложил убить Медичи собственной рукой. Заговор раскрыли, и Аламанти бежал в Венецию. Когда Джулио Медичи был избран папой под именем Климента VII, Аламанти переехал во Францию. В Италию он часто приезжал с политическими поручениями, но во Флоренцию возвратился только в 1527 году, когда была восстановлена

республика. Ему снова и навсегда пришлось бежать во Францию в 1530 году, когда Медичи вошли во Флоренцию с войсками Карла V. На этот раз Аламанти позаботился о прочном устройстве во Франции: ему покровительствовали король Франциск I, кардинал д'Эсте, он стал мажордомом будущей королевы Екатерины Медичи. При Французском дворе, где поклонялись итальянской культуре, Аламанти до конца жизни пользовался славой великого итальянского литератора. Аламанти писал эклоги в духе Вергилия, лирические стихи в духе Петрарки, сатиры против коррупции Рима, переложения античных комедий и трагедий, создал две эпические поэмы в октавах, одну новеллу. Его основное и самое знаменитое произведение – поэма «О земледелии» (1530–1546), где подробно описаны полевые и садовые работы, с отступлениями, в которых автор оплакивает утрату родины. Однако, в отличие от Макьявелли, его не так вдохновлял предмет сочинения, как изящество слога. Аламанти написал всего одну новеллу, почти повесть; на русском языке она публикуется впервые, по книге: «*Novelle del Cinquecento*». A cura di Giambattista Salinari, v. I. Unione tipografico-editrice torinese, 1955.

Г. Муравьева.

Перевод Т. Блантер

Ее милости, великолепной синьоре, мадам Батине Лакрара Спинола Бьянка, дочь Тулузского графа, отвергает предложение сына графа Барселонского, заподозрив его в скупости, которую юноша выказал во время сватовства. Отец девушки, давший некогда торжественную клятву своей жене, не может принудить дочь к браку, хотя это родство примирило бы двух синьоров, долгие годы жестоко враждовавших. Благодаря необычайному стечению обстоятельств Бьянка становится женой юноши, которого любовь вынуждает принять обличие торговца драгоценностями, не ведая, кто он. Долгие и тяжелые испытания девушка переносит с благородной стойкостью. Наконец муж, насладившись местью за ее отказ, открывает ей свое истинное имя, и они счастливо живут вместе долгие годы

Тщетны и пусты речи тех, великолепная синьора, кто утверждает, будто силы природы главенствуют над силами любви. Если бы я захотел привести все множество известных мне доводов и фактов, опровергающих эти речи, то наскучил бы вашей милости, а сам бы чрезвычайно утомился; вместо всего этого мне хотелось бы показать вам пример близкий и знакомый: себя самого.

У меня, – которого природа, эта щедрая расточительница талантов, лишила многих своих даров, – она отняла самый ценный дар, дар памяти, а память, когда нужно что-то забыть, спешит это сделать побыстрее, а когда надо запомнить, то не торопится. Однако как-то мне довелось услышать из ваших уст одну новеллу, или, вернее сказать, историю, не только прекрасную, но и глубоко поучительную, и она врезалась в мою душу с такой силой, что запечатлелась в памяти навсегда. И что было причиной сего, как не любовь, которая даровала мне вдруг, хотя я недостоин вашей милости, не только память, но еще множество других способностей, и будет еще долго одарять меня впредь.

Но, отложив разговор об этом до другого раза, я имею намерение написать ту самую новеллу, повторив слово в слово все сказанное вашей милостью, поскольку я не скуп и не завистлив и хочу поделиться с другими своим богатством; покорнейше прошу прощения, ежели, рассказывая о людях и событиях, мое перо позволит себе некую вольность, которую не позволили себе ваши уста, – стараясь ни в коей мере не смутить вашей извечной скромности. Но моя новелла будет отличаться от рассказа вашей милости тем же самым, чем отличается портрет от живого человека: на портрете можно различить черты лица, тело, руки, ноги, а в живом человеке, кроме всего вышесказанного, есть еще душа, мимика, жесты и та естественность, которую более всего ценили древние. Поэтому, приступая к своему делу художника, без лишних слов начинаю рассказ.

В Лангедоке, который еще не был под эгидой Золотых лилий[76], жил граф Тулузский по имени Ренато, которого все очень любили за его добрый нрав, а особенно за его прекрасных сыновей, воспитанных лучше, чем сам французский дофин; кроме двух сыновей, была у него еще младшая дочь, которую все, кто знал,

считали самой красивой, умной и милой девушкой, когда-либо встречавшейся им.

Однако небу было неуютно дать полного счастья графу: его жена, сестра тогдашнего графа Прованса, с которой он жил душа в душу, умерла, еще не достигнув тридцати пяти лет от роду, повергнув его и всю страну в глубокую скорбь. Когда она была при смерти, то призвала к себе графа, своего супруга, и, испросив у него прощения за все обиды, которых она никогда не причиняла, поручила ему, заливаясь горячими слезами, своих детей, особенно дочь по имени Бьянка, добавив, что он должен сделать ей, своей супруге, последний в жизни подарок: поклясться бессмертием своей души, дать ей нерушимое слово, что никогда не выдаст дочь замуж за человека, будь он хоть сам король Франции, которого та сперва не увидит, не узнает и не полюбит, присовокупив при этом, что для молодой девушки не может быть ничего лучшего, как получить право самой выбрать себе по душе супруга, с которым она должна провести всю жизнь и с которым ее могут разлучить либо позор, либо смерть.

Граф, услышав скромную просьбу любимой супруги и понимая, что говорит с ней в последний раз и в последний раз должен оказать ей милость, клятвенно заверил ее, горько плача, что как она желает, так оно и будет; не отходя ни на шаг от жены и утешая ее (а утешать часто бывает труднее, чем выслушивать утешения), он, не выпуская ее из рук своих, увидел, как душа ее отлетела. Она была торжественно, как и подобает графине, погребена в главном соборе Тулузы, где и теперь можно увидеть ее гробницу. А тем временем в Каталонии, которая не была еще владением короля Арагона и Кастилии[77], жил граф Барселонский по имени дон Феррандо, который из-за соседства земель и из-за соперничества в славе долгое время пребывал в состоянии войны с графом Тулузским; и между ними, то в пользу одной, то в пользу другой стороны, – первого поддерживал король Испании, а второго – король Франции, – происходили бесконечные, кровопролитные битвы.

Мы часто видим, как войны между нынешними князьями, начинаясь из-за пустого тщеславия и глупой амбиции, приводят в конце концов к обоюдному истощению и разорению; так и эти двое, по

прошествии времени понесся взаимный урон, поняли, что их вражда приводит только к тому, что за их счет обогащаются соседние государства, а недруги радуются их неудачам. И они порешили прийти к такому соглашению, которое без позора и ущерба для обеих сторон принесло бы им мир. И чтобы закрепить новую дружбу, они приняли следующее решение: дабы все старые распри, которые затихли с наступлением мира, были навеки забыты, им следует породниться, — кстати, у Тулузского графа была дочь, а у графа Барселонского из троих детей остался один сын. Переговоры были недолгими, быстро сошлись насчет приданого: за невестой давали Салсу и Перпиньян либо деньги и золото, которые ссужал граф Прованса, разбогатевший благодаря мудрому правлению своего министра Ромео, в залог за земли, граничащие с Арлем и Тарасконом.

Когда покончили с этим, то осталось выяснить только одно: граф Тулузский, памятуя о своем обещании, данном жене, сказал, что все будет в порядке, если молодой граф понравится его дочери, которую он поклялся выдать замуж только за того, кто станет ей мил. Никто не придавал этим словам особого значения, ибо никто не сомневался в благоприятном исходе дела, поскольку, помимо высокого положения и знатного происхождения, юноша обладал прекрасной наружностью, был до чрезвычайности добродетелен и сверх меры наделен редкостными и блестящими качествами, коими не мог похвастать никакой другой, — я не говорю о принцах крови, которых раз-два и обчелся, — знатный дворянин во всей Европе того времени; даже не верилось, что он родился в Барселоне, — но это так, и до сих пор о нем рассказывают чудеса, потому как ни прежде, ни во время оно никто не мог с ним сравниться, и мало надежды на то, что в будущем можно встретить ему подобного.

Тем часом юношу, оставившего в ожидании предстоящей свадьбы отца и свою страну, с большим почетом и огромной свитой проводили в Тулузу, где он был встречен с не меньшим почетом и любовью, как подобает встречать дорогого гостя и любимого сына; не были забыты ни французская куртуазность, ни испанская церемонность, которыми в то время, благодаря близкому соседству, умели пользоваться как одна, так и другая сторона.

Когда гостю были оказаны первые почести, его повели во дворец, где представили невесте, одетой с королевской пышностью. Девушка, обладавшая удивительной красотой, редкостной грацией и прекрасными манерами, приняла его так любезно и так учтиво, что восхищение, любовь и нежность охватили молодого графа, который прежде, зная о ней понаслышке, стремился завладеть ею, то теперь при виде ее воспылал такой страстью, что не хотел более медлить со свадьбой ни минуты.

Дочь, которую отец заранее обо всем предупредил, с не меньшим интересом разглядывала юношу, но делала это стыдливо и исподтишка, как то велела ей женская скромность, и он своим обхождением, приличествующим влюбленному и знатному юноше, был приятен ее взору.

Обменявшись первыми приветствиями, все расселись за столы, ломившиеся от разных яств и вин, какие только можно было найти в это время года в той стране. После обильного обеда принесли в великолепных вазах плоды гранатов, которые принято было подавать, по местному обычаю, в конце трапезы, чтобы омыть рот от всех запахов пищи.

Молодой граф тоже взял плод граната, — из-за этого и произошло все несчастье, — и вдруг одно зернышко граната нечаянно выскользнуло из его руки; юноша желая, как утверждал он сам и многие свидетели, показать ловкость и проворство, быстро подхватил зернышко на лету почти у самого пола и отправил его в рот.

Невеста же, — злой рок ли тут вмешался, или сам поступок показался девушке недостойным человека столь высокого положения, — в душе была сильно обеспокоена и про себя подумала: «Я часто слышала от людей, которые не станут лгать, что каталонцы самые жадные и скаредные люди на Западе; и хотя я увидела в нем то, что мало присуще испанцам, это ничего не значит, — ведь с помощью хитрости можно достигнуть чего угодно, особенно когда один человек хочет обмануть другого, а это давно в обычае у всех каталонцев. И глуп тот, кто не сумеет, прикрываясь некоторое время блестящими манерами и прекрасными словами, довести свои замыслы до конца, а затем вернуться в свое истинное состояние; но скупость, мать всех

пороков, — это я усвоила от одного своего учителя, — имеет ту особенность, что ее не может скрыть даже самый искусный притворщик. Щедрый человек меньше жалеет свое добро, которое у него забирают, чем скупой, который устроен так, что ему жалко не только своих денег, но даже денег своих врагов. И ежели он таков (а таким я его, несомненно, считаю: коли он при этом обилии пожалел зернышко с чужого стола, то как же он будет трястись над своим собственным золотом), что станет со мною? Может ли быть большее несчастье для девушки благородной и щедрой души, чем выйти замуж за богатого и алчного человека? Ей самой это принесет только горе и страдание, а для других послужит забавой и поводом для насмешек. Пусть боги избавят меня от этого, и лучше я буду до конца дней своих, до самой старости жить так, как я жила до сих пор, чем пребывать с ним в постоянной скорби и раскаянии, расплачиваясь за свой слабый ум; и пусть мой старый отец говорит что угодно, но я прекрасно знаю одно: безумен тот, кто, уступая просьбам других, вредит самому себе». Так обо всем подумав про себя, она на том и порешила.

Когда пир закончился, граф Тулузский, с любезного разрешения каталонца, взял дочь за руку и отвел в ее покои; тут он с отеческой заботливостью спросил о ее воле, и она чистосердечно призналась, что скорее останется на всю жизнь одна, чем станет жить с человеком чуждых ей взглядов. Услыхав подобные слова, отец, который был хорошего мнения о молодом человеке, сильно огорчился, размышляя про себя, что дело, которое было задумано ради мира и во благо всей страны, может обернуться взаимным истреблением и нескончаемой войною между соседями. Спросив у дочери о причине отказа и узнав ее, он начал громко смеяться, поскольку она показалась ему пустячной, и стал пытаться переубедить дочь, но все усилия его были тщетны, так как она твердо стояла на своем, говоря, что ежели он нарушит слово, данное ее матери, и выдаст ее замуж насильно, то она наложит на себя руки, расстанется с жизнью и тем самым избежит несчастной участи. Старый граф, памятуя о своем обещании покойной жене и тронутый жалостью к дочери, произнес, чуть не плача, следующие слова: «Если он тебе не по душе, то делать

нечего; раз ты этого не хочешь, неволить тебя я не стану». Вернувшись из покоев дочери и рассуждая о том, куда может завести женщину воображение, как упрямы они, действуя себе во вред, он, извлекая из души все, какие только мог, благовидные предлоги и любезные слова, в конце концов дал понять графу Барселонскому, что дочь его ни под каким видом не желает выйти за него замуж. Слова эти словно острые стрелы пронзили душу каталонца, и они тем более ранили его, что он уже не сомневался в своем успехе и цель казалась ему близкой. Скрыв в душе обиду и боль, он ответил с горькой усмешкой, что он не первый, такое бывало и с людьми более достойными, чем он, когда им приходилось терпеть крах всех своих надежд; и уж если так случилось, то ему надобно с миром возвращаться в Барселону, но в награду за свое долгое путешествие он просил сказать, чем же он не понравился дочери графа, дабы впредь по возможности исправиться. Старый граф, одновременно и стыдясь и отнекиваясь, вынужден был в конце концов сказать все как есть. Каталонец, со смехом выслушав рассказ, ответил: «Теперь, если мне придется свататься в другой раз, я буду это делать в то время года, когда гранаты еще не созреют, поскольку из-за них я утратил жену, как Церера утратила свою дочь»[78]. А потом добавил, что он уважает волю супруги и дочери графа и не хочет навязывать им свои желания, но все, что произошло, не должно омрачать их истинную дружбу и нарушать недавно установившийся мир; потом он постарался перевести разговор на другую тему; так прошел первый день, который принес ему мало радости.

На другой день, скрывая в душе свою обиду, он весьма любезно распрощался с девушкой и со всеми остальными и поспешил в Каталонию, поскольку путь был не ближний. Доехав до границы государства, он отпустил свою большую свиту, сказав, что хочет посетить святые места, которые находятся неподалеку, – и все решили, что речь идет о нашей чудотворной Донне Монферрато, – и, поскольку подобные странствия надлежит совершать скромно и без свиты, он хочет взять с собою двух верных друзей и смиренно исполнить свой обет перед богом с величайшим рвением. Когда вся свита отбыла и юноша остался лишь со старыми сокровенными друзьями, он поведал им о своих замыслах; они

отпустили коней, и все трое пешком отправились обратно в Тулузу, переодевшись в другое платье. Граф превратился в торговца драгоценностями, – такие в те времена бродили по Парижу с ящиком за плечами, да и по сей день их можно встретить как во Франции, так и в Италии; они беспрепятственно заходят в любые дома и предлагают свой товар знатым дамам и богатым господам.

Накупив драгоценностей, дорогих золотых украшений и разных безделушек, молодой граф сложил всё в ящик, добавив несколько своих очень красивых драгоценных камней (а их он привез великое множество в подарок своей будущей супруге), однако особенно ценные камни припрятал подальше, чтобы не прослыть слишком богатым, сбрил бородку, которую носили в те времена все каталонцы, и появился один в Тулузу в твердой уверенности, что это самый верный способ, который оставляет ему судьба, – изредка видеть и разговаривать со своей дамой.

Так с утра до ночи ходил он по городу, продавая, если посчастливится, то одному, то другому свой товар, но чаще всего бродил он возле дворца, где тогда жил граф Лангедока, в надежде переговорить хоть разок с той, которую, сперва из любви, а потом от обиды, не забывал ни на минуту.

Ждать пришлось не слишком долго. Как-то вечером, после особенно жаркого дня, он увидел на балконе прекрасную, очаровательную дочь графа, одетую в белое платье, в обществе нескольких придворных дам. С глубоким трепетом в душе он, низко кланяясь, приветствовал их и спросил, не желает ли кто-либо из дам купить что-нибудь из его товаров прекрасного качества по сходной цене.

Графиня и придворные дамы нимало не рассердились на его слова, поскольку обычаи этой страны позволяли подобное обращение, кликнули его к себе, окружили и стали разглядывать товары; каждая из них и все вместе брали то одну вещь, то другую, спрашивали наперебой цену и советовались с ним, а он, будучи человеком мало сведущим в этом деле, не знал, что и отвечать; единственное, что ему удавалось, это, глядя все время на графиню, отвечать только на ее вопросы. Распродав задешево множество вещей, особенно приглянувшихся дамам, он удалился,

поскольку наступил час вечерней мессы.

Так продолжалось довольно долго. Почти каждый день он оказывался все в том же обществе дам, и вскоре они так к нему привыкли, что беседа с ним забавляла их, а это, естественно, вызывало зависть его собратьев по ремеслу, услугами которых дамы перестали пользоваться, заявив им следующее: «Мы хотим сохранить верность нашему Наваррцу». (Граф сказал, что он родом из Наварры, поскольку не мог назваться французом, так как не владел в совершенстве языком и не желал признаваться, что он испанец.)

Спустя несколько дней граф, улучив удобную минуту, когда никто не мог его услышать, сказал одной камеристке графини, – той, которую, как ему показалось, более других любила графиня и которая к нему относилась благосклоннее остальных, поскольку он несколько раз уступал ей свой товар дешевле его истинной цены, – что неподалеку отсюда у него припрятан такой прекрасный драгоценный камень, какого никто никогда на всем белом свете не видывал, но он боится носить его с собой, опасаясь грабителей; камень этот очень ему дорог, поэтому он его никогда не продаст, даже если бы ему предложили за него все блага мира. Тут он замолчал и, более не говоря ни слова, вскоре удалился.

Камеристке не терпелось сообщить поскорее своей госпоже все, что она услышала от Наваррца. Когда настало время сна и камеристка помогала своей госпоже раздеваться, она рассказала ей об удивительном и прекрасном камне, обладающем волшебной силой, добавив при этом, – между ними было принято говорить все начистоту, – что, будь она на месте графини, она нашла бы способ во что бы то ни стало завладеть камнем, и, хотя Наваррец твердо решил его не продавать, она бы не остановилась ни перед чем, не убоявшись даже самой смерти. Этими словами она так подзадорила молодую графиню и вселила в нее такое великое желание заполучить этот камень, что та всю ночь только о нем и думала и в своих снах только его и видела; а утром, чуть свет, она послала камеристку разыскать Наваррца и просить его от ее имени и умолять, чтобы он согласился продать ей камень, а если это будет невозможно, то пусть она приложит все

усилия, чтобы он хотя бы показал ей драгоценность, поскольку она надеялась, что желание иметь камень, о котором она знала понаслышке, возможно, пройдет, когда она его увидит.

Камеристка пошла к Наваррцу и изложила ему желание своей госпожи; он чрезвычайно обрадовался этому и принялся снова на чем свет стоит расхваливать свой алмаз, и если он и накануне вовсю расписывал его достоинства, то теперь стал возносить их до небес, снова без конца клянясь и утверждая, что он скорее расстанется с жизнью, чем со своей драгоценностью; но, зная доброту и благородство графини, он будет рад показать ей камень, с условием, что, кроме них двоих, там, куда он его принесет, никого не будет. Камеристка, видя, что большего ей не добиться, согласилась на это и, условившись с ним о времени встречи, вернулась к графине и все ей рассказала.

Когда пришел назначенный час, прибыл Наваррец и принес долгожданный драгоценный камень. Это был отшлифованный алмаз такого огромного размера и такой необычайной и красивой формы, какого она никогда ранее не видывала. Он попал в руки старого Барселонского графа от каталонских корсаров, которые занимались морским разбоем между Гибралтарским проливом и островом Мадейра и которые захватили его у норманнов, тоже корсарствующих в этих морях; и так как они оказались слабее каталонцев, то те захватили всю их добычу, а их самих взяли в плен; говорят, что потом этот алмаз находился долгое время у Неаполитанского короля, а теперь им владеет Турецкий шах, и, хотя у него великое множество драгоценных камней, этот алмаз ему особенно дорог.

Когда Наваррец пришел, он, прежде чем показать алмаз, стал громкими словами в духе испанского красноречия неумеренно восхвалять его, уверяя, что более всего он ценит в этом алмазе не так его красоту, как великую волшебную силу; после этого, выказав свое расположение графине и утверждая, что другим он только смог бы показать алмаз, но никогда не сообщил бы о его чудесных свойствах, он протянул ей камень. Графиня взяла алмаз, и чем больше она его разглядывала, тем прекраснее он ей казался, — а камень и в самом деле был великолепен, и ею овладело столь сильное желание заполучить алмаз, что она,

казалось, не могла больше жить без него; однако она старалась скрыть это и делала вид, что только любит им. Потом она попросила Наваррца, который был весьма доволен результатом дела, сообщить ей о волшебных свойствах камня, на что тот долго не соглашался, а потом, будто сделав над собою величайшее усилие, ответил так: «Синьора, часто случается, что человек, когда ему надобно принять какое-либо серьезное решение, находится в сомнении, и вот тогда он заглядывает внутрь этого камня и, если принятое решение принесет ему успех, видит, что камень становится таким ясным и прозрачным, будто в нем скрыт солнечный луч, а если решение не сулит ничего доброго, то он становится темным, как безлунная ночь. Есть люди, кои утверждают, что это — философский камень, который долго и тщетно искали многие, а другие считают, что камень — творение алхимиков, а не природы; были и такие, кои говорили, что алмаз принадлежал Александру Великому, который без него не отправлялся ни в один поход; а потом он якобы перешел к Юлию Цезарю; благодаря этому камню и тот и другой считались непобедимыми, как вы, вероятно, неоднократно слышали». Сказав это, Наваррец взял свой алмаз и откланялся. Оставшись одна с камеристкой, графиня начала без конца повторять: «Если бы я владела таким прекрасным и редкостным предметом и могла бы ежечасно любоваться им, то вряд ли сыскался бы на свете человек счастливее меня. И коли в другой раз случится мне выбирать жениха, как было с графом Барселонским, то как бы пригодился мне совет моего алмаза!» И, говоря это, она заклинала свою верную камеристку во имя любви к ней пойти снова к Наваррцу и попытаться сделать все, чтобы он уступил ей свою драгоценность за любую, какую он сам назначит, цену. Камеристка, давно утратив всякую надежду, отправилась все-таки к нему, но все уговоры были тщетны: и в первый и во второй раз он отказался не только продать камень, но даже снова показать его кому-либо. На третий раз, считая, что настало время исполнить то, что он задумал с самого начала, Наваррец сказал: «Мадонна, поскольку ваша настойчивость и красота и грация вашей госпожи тронули мою душу и вынуждают расстаться с такой дорогой для меня вещью, то

пойдите к графине и передайте следующее: я ей, конечно, отдам алмаз, ежели она согласится в награду за это провести со мною одну ночь так, как если бы я был ее мужем; а коли она не согласна, то ни деньги, ни любое другое вознаграждение мне не нужны, и пусть в таком разе она избавит себя от этой прихоти, а меня от лишнего беспокойства».

Камеристка передала госпоже весь разговор, добавив, что ежели та не намерена исполнить его волю, то нечего ходить к нему и понапрасну тратить слова, ибо она убеждена, что ничто уже больше не поможет.

Гордая графиня страшно прогневалась на Наваррца, грозилась наказать его за то, что он осмелился посягнуть на ее честь и пытался замарать ее чистое и высокое имя; а своей камеристке графиня с возмущением бросила упрек, что та не сумела убедить человека, равного ей по положению, как негоже ему обращаться к графине с подобными предложениями.

Камеристка с легкой улыбкой ответила: «Мадам, когда вы в первый раз послали меня к Наваррцу, я думала, что моей миссией будет передавать как вам, так и ему только то, что каждая из сторон говорит мне; я никогда не осмелилась подумать, что часть этих слов я должна утаить. Теперь, коли вы недовольны тем, что я передала вам, то в том есть ваша вина, ибо вы мне не подсказали, что после подобных слов я должна была отчитать его, а вам ничего не говорить. Когда вы поручили это дело мне, я согласилась, хотя могла уступить его кому угодно, поскольку я не умею не только карать, но и порицать людей за их справедливые требования. Сам господь бог позволяет нам, как добрым, так и злым в равной степени, в молитвах, обращенных к нему, просить его исполнить и праведные желания и неправедные: он исполняет, когда сочтет нужным, первые, но не вторые; таким образом, я не знала, что вы хотите быть выше его. И чем вас так оскорбил Наваррец? Разве неведомо вам, что просить еще не значит отнимать или получать? Вы еще слишком юны и не умеете как следует отличить добро от зла; но если бы ваша голова была бела, как моя, вы судили бы иначе. Порой приходится говорить слова, подобные вашим, но надобно знать, где и кому; не здесь, не мне и не тем, кому вы доверяете, а чужим людям, — они хоть

и не поверят вам, зато сочтут вас женщиной мудрой, которая хорошо знает свое дело, то есть умеет искусно притворяться; но мне, которая всей душой предана вам и для которой вы – единственное благо на свете, не говорите так, поскольку я знаю, что высшая честь и самая большая радость для женщины – когда ее просят об этом, лишите ее этого, и она будет словно день без света, словно море без волн. Но, принимая во внимание ваш юный возраст, я покорно сношу ваш гнев и хочу сказать о другом: вы поступите мудро, ежели удовольствуете Наваррца и получите взамен чудесный драгоценный камень; таким образом, по моему разумению, вы совершите выгодную сделку. Разве сумеете вы дешевле отделаться, если станете платить ему этой монетой? Ведь чем больше ее тратишь, тем больше ее остается. Грехом это считают только ханжи да старухи, которым ничего иного уже не суждено, а у молодых впереди еще целая жизнь: можно успеть покаяться господу богу в своих ошибках. А у тех ничего нет: ни благоприятного случая, ни желания, да их никто об этом и не просит. Честь теряют только тогда, когда об этом становится известно всем, мы же сделаем все втайне, и тем самым честь будет сохранена. Я высказываю вам свое мнение, как мать, а вы уж поступайте так, как сочтете нужным; по хочу предупредить вас: чем мудрее я становлюсь, тем больше старею, и мне очень жаль, что у вас нет моего опыта и моего разума, а у меня нет вашей молодости, красоты и высокого положения, – из трех этих качеств два первых утрачивают к сорока годам, а последнее становится только тяжким бременем. Этот торговец драгоценностями, хотя и небольшой человек, но лицом, умом, манерами и всем прочим похож более на знатного синьора, чем на торговца. Если же теперь вы упустите этот случай, вы будете действовать в угоду своему капризу, а не так, как надобно поступать». Такими и другими подобными словами искушала старая камеристка молодую девушку, приводя в пример тысячу доводов и без конца повторяя одно и то же, поэтому графиня, утомившись от долгих и трудных споров, сомнений и дум, наконец сказала: «Ладно, ступай к нему и делай как знаешь; но только устрой так, чтобы мы встретились на одну ночь, да как можно позднее, дабы меня это не слишком обременило, а на тебя не навлекло

нареканий. Ведь когда ты вот так пристанешь, то надо либо исполнить это, либо от тебя покоя не будет».

Камеристка ничего не ответила, а тотчас же отправилась к Наваррцу, велела ему этой ночью ближе к рассвету быть у задней калитки сада, захватив с собою драгоценный камень, и объяснила, как действовать дальше; как она сказала, так он и поступил.

Ночью, когда Наваррец передал графине свой алмаз, он сказал, что у него есть еще несколько камней не меньшей ценности, чем этот, и он с удовольствием уступит их ей за ту же самую цену. Камеристка, узнав все это от госпожи, стала ее уговаривать завладеть камнями, доказывая, что, снявши голову, по волосам не плачут. И графиня так прекрасно справилась с этим делом, что, кроме алмаза, заработала изумительной красоты рубин и огромный изумруд; Наваррец же сказал, что первый из них спасает от любого яда, а второй исцеляет чуму, которая временами вспыхивает в Лангедоке, несмотря на то что покровителем края является святой Рокко из Монпелье.

Но как всегда бывает: чего меньше всего ожидаешь, то и случается. Так и графиня спустя несколько недель, к великому своему горю, почувствовала, что затяжелела, о чем тотчас же сообщила камеристке, которая терпеливо стала ее успокаивать, говоря, что все надобно держать в полной тайне, что из любого положения можно найти выход, что не она первая, не она последняя, с кем такое приключилось, однако все женщины прекрасно выдают себя за девственниц, когда выходят замуж, и что если бы от этого выпадали волосы, то большая часть слабого пола носила бы чепцы. На это графиня, в которой проснулась ее благородная душа и заговорило величие, соответствующее высокому ее положению, ответила: «Пусть так поступают те, кому это угодно, а меня избавь, боже, от того, что я, не сумев избежать одной ошибки, усугубила ее другой. Никогда не стану я лживыми и пустыми клятвами выдавать себя не за то, что я есть на самом деле. Хочу, чтобы кара пала на мою грешную голову, а плоды я отдам тому, кто посеял семя. Я слишком долго следовала твоим советам, теперь с этим покончено, и если ты любишь меня и не хочешь обидеть, то ступай и приведи сюда Наваррца; а если

уж я была так ничтожна, что отдалась ему, то впредь постараюсь возвыситься душою и не пойду на обман, чтобы принадлежать другому. И я тверда в своем намерении следовать по тому пути, который уготовала мне судьба, твои опрометчивые советы и моя собственная неосторожность».

Камеристка, зная решительный характер своей госпожи и понимая всю бесплодность уговоров, привела к пей Наваррца, который часто встречался с графиней и давно заметил в ней перемену, — она побледнела и похудела, — но не придавал этому значению; теперь же, увидав ее, сразу разгадал, отбросив все сомнения, причину ее недуга. Графиня, хотя и была убита горем, не проронила ни единой слезинки и спокойно, как подобает смелой и мудрой женщине, а не молодой девушке, сказала ему так: «Друг мой, поскольку твоя счастливая судьба, а моя горькая планида, твое благоразумие, а мое недомыслие привели нас к тому, что я, рожденная в высоком звании, должна, чтобы не обманывать бога и людей, стать женой бродячего торговца, а ты, такой как есть, стать мужем дочери графа, то я прошу тебя не отринуть меня, а взять в жены и распоряжаться мной, как тебе заблагорассудится. Я понесла от тебя и не хочу оставаться здесь, дабы не причинять другим много беспокойства и огорчений, а на себя не навлечь стыд и позор; я даже готова уйти с тобой и жить в бедности; я скорее соглашусь обречь на страдания свое жалкое тело, которое этого заслуживает, чем нежить и лелеять его в покое, а самой ежечасно страдать душой и мучить других. Посему побыстрее устрой все свои дела, чтобы завтра, прежде чем наступит ночь, мы смогли отсюда уехать; имея с собою твои драгоценности и еще множество моих да кое-какие деньги, мы не умрем с голоду и отправимся туда, куда сочтем нужным, чтобы я до конца смогла понять, зачем я родилась на белый свет».

Граф Барселонский, которого мы не станем более называть Наваррцем, хоть и был несказанно рад этому, так как ничего другого и не желал, однако про себя подумал: а если бы он действительно был тем, за кого она его принимает, куда бы завела тогда ее судьба, которая правит нами, и как подчас легко провести женщину, особенно молодую, какой бы хитрой она ни казалась; после всех этих размышлений ему стало так жалко

графиню, что он, сильный мужчина, едва не расплакался, чего она, слабая женщина, себе не позволила сделать, и он, взяв себя в руки, постарался как можно лучше скрыть свое волнение и сказал: «Синьора, я, как вам известно, всего-навсего жалкий и бедный торговец, и уж не взыщите, но я всю жизнь думал прожить холостяком, поэтому прошу вас избавить меня от этой обузы, а себя от беспокойства». Он хотел было продолжать дальше, но жалость к ней, желание обладать ею и страх, что она передумает, лишили его дара речи. А она ему в ответ молвила: «Друг мой, хочу тебе сказать только одно: опомнись, ведь самому счастливому человеку на свете за всю его жизнь судьба не пошлет подобного случая, который посылает сейчас тебе твоя счастливая звезда, а моя горькая планида, смотри, как бы она не разгневалась на твое безрассудство: ведь ты не хочешь взять в жены ту, которая так недавно отказала самому графу Барселонскому». От последних слов в душе графа вновь вспыхнула прежняя обида, а в разгоряченной голове роились мысли о предстоящей мести; поэтому он перестал артачиться и дал согласие взять ее в жены, раз она того желает и будет исполнять любую его волю и если она действительно готова вести жизнь жены бродячего торговца, а не дочери графа, готова вдвоем с мужем уйти пешком, как того требуют его положение и древние обычаи, а также во избежание риска, которому подвергается человек, похищающий дочь графа из ее собственного дома.

И, не узнанные никем, условившись не говорить ничего ни единой душе на свете, кроме камеристки, которая вся в слезах проводила их, они, облачившись в одежду пилигримов, отправляющихся на моление в Сан-Якопо, что в Галисии, этой же ночью отбыли.

Шум по этому поводу, как надо было полагать, поднялся большой как в Тулузе, так и во всей стране; но мало кто мог себе представить истинное положение вещей, многие думали, что графиня, решив посвятить себя богу, укрылась в какой-либо женской обители. Поскольку в те дни, когда графиня почувствовала себя в тягости, она с еще большим усердием, чем обычно, обратилась к молитве и начала избегать общества своих

подруг, постольку все легко поверили, что она ушла в монастырь, а камеристка, которая одна знала, в чем дело, так хорошо разыграла роль обиженной и разочарованной, что у всех пропали последние сомнения.

По этой причине и еще потому, что беглецы вскорости покинули Лангедок, их так и не нашли, хотя и искали.

Долго пришлось бы рассказывать о трудных и бесконечных испытаниях, которым подвергал в пути влюбленный и довольный граф свою бедную и несчастную жену; она до сего времени почти никогда не ходила пешком, а если и отправлялась на прогулку, то всегда в хорошую погоду и в сопровождении самых знатных придворных кавалеров, теперь же она была вынуждена беременная идти под палящим июльским солнцем по острым камням и терпеть все те невзгоды, с которыми сталкивается в пути любой бедный человек.

Граф, когда был занят торговлей, хотя и давал ей немного передохнуть, обращался с нею грубо, поэтому небольшой покой для тела оборачивался большим беспокойством для души. Но в тот день, когда они покинули Тулузу, она решила терпеливо сносить все превратности судьбы. Продолжая далее свой путь, они останавливались на постоянных дворах, где молодая женщина надеялась ночью обрести краткий отдых после тяжких дневных трудов, но граф выбирал самые захудалые гостиницы, которыми так славится Испания, потому что хотел таким образомшний раз унизить бедняжку, и это вместо отдохновения приносило ей новые страдания.

Наконец после нескольких дней пути они прибыли в Барселону, где граф встретился со своими друзьями, которые выехали из Тулузы в один день с ним, и приказал поселить его вместе с женой в одной из беднейших и скуднейших гостиниц города, хозяйкой которой была, правда, добрая и святая женщина, каких мало, поскольку хозяйки подобных заведений не брезгают не только ремеслом повитух, но и занимаются сводничеством.

Проведя с женою в гостинице первую ночь и весь следующий день, граф вечером сказал ей, что у него есть дела в городе и поэтому он будет видаться с нею только ночью, так как днем будет занят, а она останется здесь помогать старой хозяйке, за

что та будет ее кормить, поскольку он, имея на то свои причины, не намерен расстаться ни с одной драгоценностью, а также тратить деньги, и поскольку он вкладывает все сбережения в дело, то она должна помогать ему в этом, ежели хочет жить с ним в мире и согласии.

Сокрушаясь в душе от этих речей, несчастная графиня вспомнила, как щедр был ее отец, а теперь приходится ей зарабатывать на жизнь своими руками, но с улыбкой ответила мужу, что сделает так, как он велел.

Граф, покинув ее, отправился в платье странника во дворец, где его давно ждали, как человека, которого вновь обрели, уже потеряв всякую надежду увидеть. Здесь его радостно встретили отец и мать, поскольку его паломничество затянулось дольше, чем он сам рассчитывал. Пробыв весь день со своими друзьями и придворными и отпраздновав свое возвращение, граф ночью танком, переодевшись в прежнее платье, отправился к графине и провел с ней ночь. Он постоянно заставлял ее выполнять грязную работу, напоминал, что она должна на кухне и в доме помогать во всем доброй хозяйке. Однако ему мало было тех унижений, которым он ее подвергал, поэтому он решил устроить ей еще более тяжкие и позорные испытания и как-то ночью сказал жене: «Завтра я хочу угостить вином моего друга, скорняка, мы встретимся в лавке одного портного. Мне нужно будет принести хлеб, он в этих краях очень дорогой, а я не намерен тратить. Завтра утром, когда хозяйка пойдет печь хлеб, ты станешь ей помогать; возвращаясь из пекарни, сделай вид, будто что-то уронила, а сама тем временем припрячь для меня в карман нижней юбки четыре хлебца, за которыми я приду перед обедом».

Благородной графине эти слова показались подлыми сверх всякой меры, и если бы она не была столь много наслышана о скупости испанцев и наваррцев, то сочла бы их за шутку, но, видя, что все сказано всерьез, начала смиренно просить мужа не заставлять ее делать это. На что он в страшном гневе ответил: «Ты, видно, еще не забыла, что ты дочь графа Тулузского, а ведь в тот день, когда мы покинули твой дом, я тебе сказал, чтобы ты не думала о своем прошлом и считала себя женой бедного Наваррца, и ты мне обещала. Поэтому повторяю, что

ежели ты хочешь жить со мной в мире и согласии, то изволь делать так, как я тебе велю, иначе я оставляю тебя здесь, а сам уйду в другие края искать свое счастье».

Графиня была вынуждена пообещать ему исполнить его волю, и утром как он наказал, так она и сделала. А граф, по обыкновению, отправился развлекаться в Барселону, там он сказал одному из своих друзей, который был с ним в Тулузе и с которым он состоял в родстве, как тому надобно поступать; друг, проезжая мимо жалкой гостиницы, где проживала жена графа, под каким-то предлогом остановился возле нее и, памятуя о том, что ему было велено графом, обратился к хозяйке, которая, на его счастье, сидела в та время вместе с графиней возле дверей и шила, со следующими словами: «Мадонна, кто эта молодая женщина?» Хозяйка ответила ему, кто была эта женщина и когда она сюда прибыла. «О, – сказал знатный синьор, – вы, как я вижу, не первый день живете на свете, а все-таки ничему не научились; эта женщина – самая хитрая и коварная из всех, кого я встречал в своей жизни; и если вы не будете ее остерегаться, то она вас обдерет как липку».

Старая хозяйка начала отрицать это и принялась всячески расхваливать молодую женщину, на что знатный синьор ответил: «Я хочу, чтобы вы, прежде чем я уеду отсюда, убедились в правоте моих слов: поднимите подол ее юбки, загляните в один из карманов, вы там кое-что увидите и поймете, что я не даром семь лет учился в Толедо колдовским наукам». И, подозревая синьора поближе, чтобы он сам убедился в своей ошибке, добрая женщина, скорее уступая ему, чем сомневаясь в честности девушки, засунула руку в карман ее юбки и обнаружила там четыре хлебца, чем была несказанно удивлена и учтиво извинилась перед кавалером, который, посмеявшись над всем, вскоре отбыл.

Нет слов, чтобы передать, сколь опечалена была бедная графиня и какой стыд она испытала; она едва держалась на ногах от огорчения, оказавшись уличенной в столь низменном поступке в присутствии такого знатного синьора. И когда старая женщина по-матерински стала ей выговаривать за ее проступок, она со слезами на глазах попросила у той прощения и обещала никогда

более не впадать в подобный грех, не говоря, впрочем, о том, кто заставил ее так поступить.

В ту же ночь граф сказал ей, что хлеб ему не понадобился, и притворился рассерженным на нее за то, что она опозорила его перед людьми, обвинив во всем только ее, поскольку она так неохотно и неосторожно взялась за это дело.

В то время графиня Каталонская, мать молодого графа, пожелала заказать какому-нибудь искусному мастеру покров ручной работы, который она дала обет подарить святой церкви в Барселоне и на котором надобно было, кроме всего прочего, расшить жемчугом фигуры святых и животных, как это принято делать в подобных случаях. Молодой граф, узнав об этом, тотчас же подумал, что ему снова представляется случай посрамить свою жену; поэтому он сказал матери, что знаком с одной бедной женщиной, француженкой, которая очень горазда в такого рода работе, и что завтра пришлет ее к ней, поскольку знает, где та проживает. Ночью он рассказал все жене, приказав ей, коли она желает ему добра, утаить как можно большее количество жемчужин. Несчастливая графиня вся в слезах долго отказывалась исполнить это, потому как недавно пережила страшный позор, когда ее уличили в краже хлеба, и еще потому, что не желала идти в дом человека, которого она девять месяцев назад так оскорбила своим отказом и где ее легко могли узнать; однако после бесконечных и грубых угроз мужа она наконец согласилась пойти во дворец, и, чтобы все прошло гладко, они договорились, что она положит жемчужины в рот и будет держать под языком, а так как она не сможет взять много, хотя они прекрасны и очень дорогие, то прибыль будет от них невеликой.

Утром мать графа усадила молодую женщину за работу, ее манеры и поведение так понравились старой графине и всем, кто там присутствовал, что никто не усомнился в том, что видят перед собой женщину благородного происхождения. Кроме того, в том, что надлежит уметь делать знатной даме, она выказывала большие способности, как никто иной. Молодая женщина мало обращала внимания на слова окружающих, хотя каждая похвала ранила ее душу словно острый нож, — поскольку была озабочена совсем

другим; она спрятала под язык три самых красивых жемчужины, когда вдруг явился тот самый знатный синьор, который уличил ее в краже хлеба, и, выполняя наказ молодого графа, принялся выражать старой графине удивление по поводу того, что в их доме присутствует женщина подобного рода, потом, рассказав, как она стащила хлеб, стал говорить, что она украла у старой графини. Все это несчастная женщина перенесла с еще большим стыдом и огорчением, поскольку она украла жемчуг у столь знатной дамы. Но старая графиня простила молодую женщину, отнесся все за счет ее бедности, и щедро вознаградила за работу.

Наконец молодой граф решил, что сполна оплатил жене за обиду, нанесенную ему, и в достаточной мере наказал ее за поспешное суждение о нем; он понимал, что, продолжая теперь поступать с ней таким образом, совершает более серьезный проступок, нежели совершил тогда, когда поймал падающее гранатовое зерно; и, зная, что приближается время родов, он полностью отказался от своей прежней затеи и к собственному, да и к ее удовольствию в корне переменился. Он рассказал все своим родителям, добавив, что обман, а не жадность привели ее в его постель, и посчитав, что позор, муки и страдания, на которые он ее обрек, с лихвой окупают ее ошибку; а в заключение сказал, что завтра он намерен, с их согласия, ввести ее в дом как дочь графа Тулузского и как свою супругу. Родители графа были несказанно рады этому, тогда как прежде они весьма опечалились, получив известие о расстроившейся свадьбе. Они приказали устроить на следующий день пышный и богатый пир, не объясняя причину сего. Молодой граф накануне праздника сказал жене: «Завтра во дворце графа Барселонского состоится свадьба: сын графа берет в жены старшую дочь короля Арагона, одну из самых прелестных и красивых женщин, каких когда-либо видывали в здешних краях; молодой граф должен вечно благодарить бога, что ты ему отказала, поскольку своим браком он много выгадал и в смысле родства, и в смысле красоты невесты». Графиня Бьянка не смогла после таких слов сдержаться и тяжело вздохнула, вспомнив, кем она была когда-то и кем стала ныне; а граф тем временем продолжал: «Завтра большой праздник, никто работать не будет,

поэтому я подумал, что тебе надобно отправиться с нашей доброй хозяйкой во дворец, чтобы не скучать здесь в одиночестве, и попытаться что-нибудь украсть. И если даже тебя поймут с поличным, ничего страшного, ты – женщина, тебя постыдят немного, а стыд, как известно, быстро проходит, людям бедным приходится со всем мириться».

И если все, что делала прежде графиня, казалось ей трудным, то теперь этот наказ мужа она сочла наитруднейшим; и если ранее она просила и заклинала его освободить ее от этих дел, то теперь стала слезно молить оставить ее в покое, говоря, что скорее умрет, чем совершит кражу. Но граф, который во что бы то ни стало хотел испытать ее в последний раз, страшными угрозами и грубой бранью вынудил ее согласиться; хозяйке же он под великим секретом раскрыл свой замысел, сказав, где и в какое время она вместе с его женой должна завтра утром объявиться; и, устроив все, он вернулся во дворец.

На другой день многие барселонские знатные дамы и кавалеры прибыли в назначенный час на свадебное пиршество, но, прежде чем сесть за праздничные столы, они начали развлекаться приятной беседой и веселыми танцами.

Старая хозяйка гостиницы, исполняя наказ графа, почти насильно привела графиню во дворец за час до начала пиршества; та, как только вошла в залу, попыталась затеряться в толпе самых бедных гостей. Граф в праздничном одеянии с улыбкой на устах направился прямо к ней и громко, чтобы слышали все, сказал: «Добро пожаловать в мой дом, дорогая графиня, моя милая супруга! Пришло время, когда ваш Наваррец должен стать графом Барселонским, а вы, бедная скиталица, должны стать дочерью графа Тулузского и моей женой, графиней Барселонской». Слова эти повергли графиню в великое смятение, она была чрезвычайно удивлена и смущена; не веря, что граф обращается именно к ней, она стала оглядываться по сторонам, но потом, посмотрев пристально в лицо графа, узнала его и поняла, что он разговаривает с ней, сама же она не могла произнести ни слова. А граф продолжал: «Госпожа моя, я был вами несправедливо отвергнут и потому ожесточился против вас, вероятно, вы

считаете, что слишком, и потому затаили обиду на меня, но если вы любите меня, как я вас, то, думаю, в вашем сердце я найду не только прощение, но и сострадание. И ради величия и благородства вашей души, которые открылись мне в низменном вашем положении более, чем в высоком, прошу вас предать забвению, — как и я забыл обиду, причиненную вами, — мою месть; и здесь, в Барселоне, в присутствии моих родителей и всех наших гостей соблаговолите одарить меня тем, в чем мне было отказано в Тулузе и что я обманным путем похитил у вас». Графиня, оправившись от смущения, с величавым видом, который более пристал знатной даме, чем бедно одетой женщине, спокойно заговорила и молвила так: «Господин мой, вы поистине стали дороги мне, особенно сегодня, когда я узнала, что судьба моя оказалась сильнее моего разума и что вы на самом деле не тот, за кого я вас принимала. Простить мне ваше жестокое со мной обращение легче, чем вам, поскольку отмщение всегда более справедливо, чем обида. А одарить вас тем, что вы уже взяли в другом месте, вернее, подтвердить свое согласие я с радостью готова, потому как в Тулузе не было той торжественной обстановки и столь высоких свидетелей, каких я встречаю ныне в Барселоне. Что касается меня, то я предоставляю решать вопрос: буду ли я вашей или нет, вам, супруг мой, а также монсеньору графу, вашему отцу, и мадам графине, вашей матушке, у которых я прошу прощения за обиду, нанесенную вам, и обещаю почитать их и любить нежной дочерней любовью». Бьянка продолжала бы говорить далее, если бы слезы старого графа и графини, его жены, а также радостные и сочувственные возгласы присутствующих не остановили ее. После этого ее увели из зала, сняли с нее лохмотья и обрядили в королевские одежды. И тут началось веселое свадебное пиршество, о чем сообщили графу Тулузскому, который с необычайной радостью встретил весть об этом событии.

Спустя малый срок молодая графиня разрешилась от бремени прекрасным мальчиком. А после этого она, окруженная безграничной любовью и почитанием подданных, счастливо прожила долгие годы со своим супругом и подарила ему множество детей как мужского, так и женского пола.

Эта история рассказана в летописях обоих графств по-разному, одна с тулузской стыдливостью, другая с каталонской учтивостью; я же предоставляю судить о ней самому читателю.

1. В Лангедоке, который еще не был под эгидой Золотых лилий... – То есть не был присоединен к Французскому королевству, герб которого образуют три лилии; Лангедок был присоединен в XIII в.

2. А тем временем в Каталонии, которая не была еще владением короля Арагона и Кастилии... – Каталония соединилась с Арагоном под властью короля Арагона в XII в.; окончательное соединение кастильской и арагонской короны произошло в конце XV в.

3. ...как Церера утратила свою дочь. – Дочь Цереры, Персефона, была похищена Плутоном, богом подземного царства, который заставил ее проглотить гранатовые зерна, символ неразрывности брака.

4. ... чуму, которая временами вспыхивает в Лангедоке, несмотря на то, что покровителем края является святой Рокко из Монпелье. – Монпелье, откуда родом святой Рокко, находится в Лангедоке; в новелле хронологический сдвиг: святой Рокко, оберегающий от чумы, по верованиям итальянцев, жил в начале XIV в.

5. ...на моление в Сан-Якопо, что в Галисии... – Имеется в виду Сантьяго-де-Компостелла, главный город испанской провинции Галисии, по преданию, там было похоронено тело святого Иакова, патрона Испании; место паломничества с IX в.

Европейская новелла Возрождения. Худож. лит., 1974

Итальянская новелла Возрождения, М.: Худож. лит., 1984

© 2023 Neкаýalar